

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XII, часть 1

Ответственный редактор Н. Н. Казанский



Санкт-Петербург
«Наука»
2016

Т. А. Майсак

ИЯз РАН — МГУ, Москва

**ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ, ВНУТРИГЕНЕТИЧЕСКОЕ
И АРЕАЛЬНОЕ В ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ:
ДАННЫЕ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ¹**

1. Введение

Лезгинские языки являются самой южной ветвью нахско-дагестанской языковой семьи (и, тем самым, самой южной языковой группой России). Историческая территория их распространения охватывает юг Дагестана, а также сопредельные территории на севере Азербайджана, причем три малых лезгинских языка (будухский, крызский и удинский) распространены только в Азербайджане, но не в Дагестане.

Всего лезгинских языков девять, причем у большинства из них имеется разветвленная диалектная система, в некоторых случаях препятствующая взаимопониманию носителей разных диалектов. Ядерную группу (иногда называемую также «самурской» по названию р. Самур) составляют семь языков, объединяемых в три подгруппы: восточнолезгинская включает собственно лезгинский, табасаранский и агульский языки, в западнолезгинскую входят рутульский и цахурский, к южнолезгинской относятся будухский и крызский. Еще два языка условно можно считать «периферийными» как в генетическом (они раньше других отделились от пралезгинского), так и в ареальном отношении: на арчинском языке говорят в единственном дагестанском селе Арчиб, расположенном к северо-востоку и на значительном удалении от «ядерной» зоны, а на удинском — главным образом в с. Нидж Габалинского района Азербайджана, на самом юге лезгиноязычной области. Как видно из перечисления выше, в лезгинскую группу входят как крупные литературные языки с сотнями тысяч

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00345.

говорящих (лезгинский), так и малые младописьменные или бесписьменные языки, число говорящих на которых едва достигает одной тысячи (арчинский, будухский). Еще один язык лезгинской группы — агванский, или кавказско-албанский, обладавший оригинальной письменностью вымерший язык Кавказской Албании, наиболее близкий к удинскому.

Говоря о «грамматическом профиле» лезгинских языков, стоит прежде всего отметить такие явления, как эргативный синтаксический строй, богатая падежная система (известная в особенности многочисленными локативными формами), достаточно развитая глагольная система, в основе которой лежит словоизменительная категория вида (перфектив vs. имперфектив), предпочтение нефинитного подчинения (причастные, деепричастные, инфинитивные и прочие зависимые) финитным придаточным, наличие в большинстве языков согласования по именному классу либо, реже, личного субъектного согласования, левоветвящийся порядок слов при базовом порядке SOV². Большинство этих черт — за исключением разве что личного согласования — имеет очень длительную историю и восходит по меньшей мере к пралезгинскому состоянию. Выяснение диахронических сценариев возникновения и развития таких явлений — сложнейшая и с трудом выполнимая задача, требующая серьезного сравнительно-исторического анализа (ср., в частности, диахроническое исследование морфологии лезгинских языков [Алексеев 1985]).

Между тем, во всех современных лезгинских языках наблюдаются грамматические структуры, которые появились сравнительно недавно и источники которых могут быть установлены с большой степенью надежности. Некоторые из этих структур свойственны большинству лезгинских языков, другие лишь одному-двум; среди них есть как типологически распространенные, так и крайне редкие явления. В данной работе мы остановимся на нескольких ярких случаях грамматикализации, обращая особое внимание на то, легко ли установить источник грамматического

² Многие из перечисленных характеристик верны не только для лезгинских, но и для других нахско-дагестанских языков. С другой стороны, языки и даже диалекты внутри лезгинской группы допускают некоторую вариативность, которая позволяет говорить о данном профиле лишь как о прототипе, а не наборе необходимых признаков.

показателя и основное направление его эволюции, а также понять, было ли это развитие независимым или же обусловленным внутригенетическим или ареальным «трендом».

Подобно тому, как ключевые морфосинтаксические черты составляют «грамматический профиль» лезгинских языков, важнейшие, наиболее часто воспроизводимые в них пути грамматикализации определяют их «грамматикализационный» профиль — своего рода досье, которое позволяет понять, откуда в первую очередь берутся грамматические показатели в языках данной группы, какие пути возникновения грамматических структур предпочтительны и лучше всего «освоены» ими. Можно также сказать, что примеры, которые будут рассмотрены ниже, составляют фрагмент «лексикона грамматикализации» лезгинских языков, который, вероятно, когда-нибудь будет составлен³.

В разделе 2 мы кратко рассмотрим примеры путей грамматикализации, установление которых не вызывает сложностей на внутриязыковом уровне и которые хорошо представлены во многих языках мира. В разделе 3 будет разобрано два более сложных случая, требующих для установления источника грамматического показателя обращения и к родственным языкам, и к ареальным параллелям, и к данным типологии. Раздел 4 посвящен грамматикализации, вызванной языковым контактом на разных уровнях — как с неродственными языками, так и с дальнеродственными языками той же семьи и даже ближайшими родственниками. Наконец, в разделе 5 приводятся примеры путей грамматикализации, которые на типологическом фоне являются по меньшей мере редкими, если не уникальными.

³ Наиболее известным воплощением идеи общего каталога путей грамматикализации стал словарь *World lexicon of grammaticalization*, составленный Б. Хейне и Т. Кутевой и включающий, в алфавитном порядке, более 400 переходов с примерами из нескольких сотен языков мира [Heine, Kuteva 2002]. Интересно, однако, что первоначально эта идея была реализована на более ограниченном — как ареально, так и генетически, — языковом материале, включающем только языки Африки, ср. справочник [Heine et al. 1993], вышедший небольшим тиражом в серии трудов по африканистике Кельнского университета.

2. Типологические распространенные пути грамматикализации в лезгинских языках

Для иллюстрации тех случаев грамматикализации, когда связь показателя с исходной лексической единицей очевидна на синхронном уровне, ограничимся тремя группами примеров: это каузативные конструкции с глаголами ‘делать’ и ‘давать’; показатель зависимой клаузы и показатель чужой речи, восходящие к глаголу ‘говорить’; а также использование числительного ‘один’ и демонстративов для выражения противопоставлений референтов по определенности.

2.1. Каузативные конструкции

Каузативы в лезгинских языках в основном представлены аналитическими (синтаксическими) конструкциями, а не морфологическими показателями. В большинстве языков в роли каузативного глагола выступает ‘делать’, при этом морфосинтаксический статус конструкции может быть различным — если в некоторых языках (например, агульском или лезгинском) каузативная конструкция близка к сложному предложению с матричным глаголом и автономной зависимой клаузой, то в других (например, цахурском или удинском) ‘делать’ образует со «смысловой» частью сложный глагольный предикат. Пример (1) из агульского иллюстрирует каузативную конструкцию со значением опосредованной каузации (‘X делает так, что P’); каузатор получает агентивное оформление и кодируется эргативом, а каузируемый участник (агенса в исходной ситуации ‘есть суп’) кодируется одним из локативных падежей — апуд-элативом.

- АГУЛЬСКИЙ
- (1) *baw.a* *gada.ji-f-as* *k’ildi* *šurpa*
 мать(ERG) парень-APUD-ELAT целиком суп
šut’-a-s *q’-u-ne*
 есть-IPF-INF делать-PF-AOR
 ‘Мать заставила сына съесть суп (например, угрозами)’.
 [Daniel et al. 2012: 66]

В нескольких языках (рутульском, крызском, удинском) — роли каузативного глагола выступает ‘давать’⁴. Как правило, конструкция с ‘делать’ в этом случае также существует, и два способа образования каузатива распределены в зависимости от «смыслового» глагола. Так, в крызском непереходные глаголы образуют каузатив с глаголом ‘делать’, а переходные — с глаголом ‘давать’, ср.:

- КРЫЗСКИЙ
(2) *χinib-ar-ir* *fura-z* *jak*
женщина-PL-ERG мужчина-DAT мясо
kajn-iz *vu-již*
брат-INF давать-AOR.IV
‘Женщины заставили мужчину купить мясо’.
[Authier 2009: 307]

Как ‘делать’, так и — чуть в меньшей степени — ‘давать’ типологически являются чрезвычайно распространенными источниками каузативных показателей (ср. обсуждение путей DO > CAUSATIVE и GIVE > CAUSATIVE в [Heine, Kuteva 2002]).

2.2. Показатели подчинения и чужой речи

Наряду с глаголом ‘делать’ глагол речи является одним из самых «грамматикализуемых» в языках мира. Лезгинские языки не являются исключением: среди типологически частотных путей развития данного глагола в них отмечается, в частности, превращение ‘говорить’ (в форме перфективного или имперфективного деепричастия, т. е. ‘сказав’ или ‘говоря’) в показатель зависимых клауз. С одной стороны, показатели, восходящие к глаголу речи, используются в функции «комплементаризера» при зависимом сентенциальном актанте — как при глаголах речи, так и при глаголах некоторых других классов (например, эмоциональных и ментальных предикатах). С другой стороны, такие показатели характерны для обстоятельственных клауз с причинным и целевым значением. Следующие примеры из табасаранского иллюстрируют все три контекста; форма *кIури* (*k’uri*) представляет собой имперфективное деепричастие глагола ‘говорить’.

⁴ Особое положение занимает табасаранский язык, в котором каузативный глагол означает ‘оставлять, пускать’.

ТАБАСАРАНСКИЙ

- (3а) *Чпигъна Гагарин гъиди кІури, пионерариз хабар дубхъ-найи.*
 ‘Пионеры узнали, что к ним Гагарин приедет’ (букв. ‘Гагарин приедет, говоря’).
- (3б) *Чве хулаз гъафундар кІури, чи ярхи йшивди нивкІуз гъушундар.*
 ‘Из-за того, что брат не пришел домой (букв. ‘не пришел, говоря’), сестра всю ночь не могла уснуть’.
- (3в) *Чве гъулаз ключ ишири кІури, адашди дугъаз совхоздиъ ужуб ляхин гъабгну.*
 ‘Чтобы брат переехал в аул (букв. ‘пусть переедет, говоря’), отец ему в совхозе хорошую работу подыскал’.

[Ханмагомедов 1970: 196, 205]

Еще один характерный для глаголов речи путь грамматикализации имеет своим результатом эвиденциальный показатель пересказывательности (репортатива), указывающий на то, что ситуация известна говорящему с чужих слов. В лезгинских языках источником такого показателя может служить как деепричастие глагола речи, так и финитная форма настоящего времени. Так, например, в лезгинском репортатив маркируется при помощи *-lda* (М. Хаспельмат описывает его как суффикс), происходящего из формы хабитуалиса *luhuda* ‘говорят’:

ЛЕЗГИНСКИЙ

- (4) *baku.d-a irid itim gulle.di-z aq:ud-na-lda*
 Баку-IN семь мужчина пуля-DAT выносить-AOR-REP
 ‘Говорят, в Баку застрелили семь человек’.

[Haspelmath 1993: 148]

О путях грамматикализации глагола ‘говорить’, в том числе в показателе зависимости и репортатива, см., в частности, [Heine, Kuteva 2002: 261–267].

2.3. Маркирование определенности/неопределенности

«Хотя в арчинском языке отсутствует сложившаяся, грамматикализованная категория артикля, тем не менее явная тенденция к ее образованию имеется», — это обобщение, которое в арчинской

грамматике 1977 года сформулировал А. Е. Кибрик [1977: 331], верно и для большинства других языков нахско-дагестанской семьи. В соответствии с закономерностью, отмечаемой во многих языках мира (ср. [Heine, Kuteva 2002: 220–221]), в роли показателя неопределенности в них используется числительное ‘один’. Оно регулярно встречается в таких контекстах, как введение «неопределенной привязки» (типа ‘однажды’, ‘в одном городе’ и пр.) и ввод неизвестного ранее участника, причем в функции «артикла» ‘один’ может сочетаться и с именной группой множественного числа; ср. агульские примеры:

- АГУЛЬСКИЙ (ХПЮКСКИЙ ГОВОР)
- (5а) *aχp:a* [sa jax.a] gul-a-a
 потом один день(TMR) исчезать-IPF-PRS
ge-wur.i jax-ar
 DEMG-PL(GEN) бык-PL
 ‘Ну вот, однажды пропадают у них быки’.
- (5б) *tuwan.di-ʔ alčarx-a-a* [sa jašlu idemi]
 Мугань-IN встречаться-IPF-PRS один пожилой мужчина
 ‘В Мугани встречается им один мужчина в возрасте’.
- (5в) *me ag-u-naa* [sa dijarka-jar.i-s]
 DEMM видеть-PF-PRF один доярка-PL-DAT
 ‘Увидели ее какие-то доярки’. [корпус текстов]

Что же касается контекстов определенности (референт уже введен в пространство дискурса и известен слушающему), то здесь ключевую роль играют указательные местоимения, или демонстративы. В лезгинских языках противопоставляется по несколько серий демонстративов, которые при выражении определенности распределены в зависимости от дискурсивной роли участника. Так, в арчинском при обозначении главного участника используется ближний демонстратив *jow* ‘этот (близкий ко мне)’, а побочного — *jamu* ‘этот (близкий к тебе)’ или *tow* ‘тот (далекий)’; при этом *jamu* обозначает «почти главного участника» при необходимости противопоставить его самому главному и совсем второстепенному [Кибрик 1977: 333]. В других языках демонстративы выражают сходные дискурсивные оппозиции с поправкой на специфику конкретно-языковой дейктической системы; ср. об-

суждение цахурских данных в [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 670–674], агульских в [Ганенков и др. 2009]. О распространенном межъязыковом переходе DEMONSTRATIVE > DEFINITE см., в частности, [Heine, Kuteva 2002: 109–111].

3. Проблема установления источника грамматикализации

Во всех рассмотренных в предыдущем разделе случаях грамматикализации исходная структура, в том числе входящая в нее лексическая единица, легко идентифицируется. С одной стороны, сама степень грамматикализации не очень велика, и очевидна как связь источника с семантикой результирующего показателя, так и исходная форма, хорошо соответствующая лексеме в ее современном виде. С другой стороны, все эти пути типологически широко распространены, так что развитие каузатива из глагола ‘делать’, репортатива из глагола ‘говорить’, а неопределенного артикля из числительного ‘один’ не только неудивительно, но и ожидаемо.

Ниже мы рассмотрим два более проблематичных случая, в которых для определения источника грамматикализации необходимо как привлечь внутриязыковые и типологические данные, так и более пристально рассмотреть ситуацию в родственных языках и ареальный фон.

3.1. Показатель временного конверба в агульском

Сентенциальные сирконстанты в нахско-дагестанских языках, как правило, выражаются не финитными клаузами, вводимыми союзами или союзными словами, а специализированными деепричастными формами (конвербами). Таких форм в языке — с временным, целевым, причинным, условным/уступительным и другими значениями — в языке может быть достаточно много, причем происхождение соответствующих показателей далеко не всегда понятно.

Одним из наиболее частотных в агульском языке конвербов является форма на *-guna/-gana/-guni* (перечислены диалектные варианты), имеющая достаточно общее временное значение ‘когда делал’ или ‘когда сделал’, в зависимости от аспектуальной

*-kVnV/-k:VnV, к которой восходят, помимо интересующего нас агульского суффикса, рутульский аффикс кондиционала *-kun* и concessiva *-kun-ki*, а также удинский «конъюнктив» *-gi-n* (<http://starling.rinet.ru>). Как мы видим, эти реконструкции для понимания происхождения временного конверба нам ничего не дают; в последнем случае к тому же в группу когнатов объединены функционально весьма разнородные формы.

Если, однако, вернуться к собственно агульским данным, то окажется, что показатель *-guna* обладает рядом важных свойств, которые позволяют проникнуть в «тайну» его происхождения без апелляции к пралезгинскому уровню. Так, образуя глагольные формы, *-guna* сочетается не просто с аспектуальной основой, но именно с основой причастия. По формам типа *ruχu-guna* ‘когда прочитал’ или *ruχa-guna* ‘когда читал’ это не так очевидно, поскольку *ruχu-* и *ruχa-* могут выступать и в роли производящих основ синтетических глагольных форм, и в роли немаркированных причастий (соответственно, перфективного и имперфективного). Однако конвербы образуются и на основе производных причастий — перфектного/результативного (ср. *ruχu-naje-guna* ‘когда прочитал’) и презентного (ср. *ruχa-je-guna* ‘когда читал’). Тем самым, конверб напоминает морфологизованное сочетание причастия с неким временным показателем. Более того, причастия являются не единственными атрибутивными формами, с которыми сочетается *-guna*. Временные адвербиальные формы образуют также демонстративы (ср. *te-guna* ‘тогда’ от *te* ‘тот’) и некоторые прилагательные (ср. *bic'i-guna* ‘в детстве’ при *bic'i* ‘маленький’).

Второе любопытное свойство показателя *-guna* состоит в том, что он может присоединять падежные показатели. Так, если перфективная форма *ruχu-guna* означает ‘когда прочитал’, то та же форма в дативе *ruχu-guna-s* имеет значение ‘к тому моменту, как прочитал’. Аналогично, временная форма демонстратива *te-guna-s* в дативе значит ‘к тому времени’, а *te-guna-q-as* в постэлативе — ‘с тех пор’. В сочетании с предыдущим свойством возможность падежного словоизменения позволяет утверждать, что диахронически *-guna* представляет собой существительное со значением ‘в период, во время’, а собственно временные формы

являются результатом универбации этого существительного с определением (причастием, демонстративом или прилагательным).

В современном языке слова ‘время’, имеющего фому типа *guna/gana/guni*, нет. Однако его источник нетрудно установить — им может быть только существительное *gah* ‘время’ (персидское заимствование), изредка встречающееся в лезгинских языках, однако в целом устаревшее. Значение ‘во время’ данное слово, как и в целом названия промежутков времени, могло иметь в форме эргатива; соответственно, диалектные варианты *guna/gana/guni* представляют собой именно эргатив от *gah* (с редукцией ларингала и стяжением гласных, ср. *guna* < **gah.una*). Вариативность в таком случае получает естественное объяснение: *-una/-ana/-uni* являются показателями косвенной основы односложных слов, причем их распределение по диалектам соответствует распределению вариантов временного показателя.

Подтверждает идею о грамматикализации слова ‘время’ и поведение современного существительного с данным значением — в агульском это арабизм *waxt* ‘время’. Это слово в качестве вершины именной группы свободно используется в конструкциях с определением — в тех же контекстах, которые послужили источником форм на *-guna*: ср. *šu-guna* ‘когда ушел’ и *šu waxtuna* ‘во время, когда ушел’ (с причастием *šu* ‘ушедший’), *te-guna* ‘тогда’ и *te waxtuna* ‘в то время’ (с демонстративом *te* ‘тот’) и т. п.

Наконец, данный тип развития полностью согласуется и с типологическими данными, ср. хотя бы примеры перехода TIME > TEMPORAL (слово ‘время’ > временной показатель) в лексиконе [Heine, Kuteva 2002: 298–299].

3.2. «Локативный» презент в удинском

Основные видо-временные формы индикатива лезгинских языков в основном достаточно прозрачны по структуре — как правило, это аналитические (в том числе сильно морфологизованные) формы с постпозитивным вспомогательным глаголом. Смысловая часть в них выступает в формах деепричастия совершенного или несовершенного вида, инфинитива или одного из причастий (также различающихся по виду). В качестве вспомогательного глагола используется именная связка, а также, в некоторых языках, бытийный глагол ‘быть, находиться внутри’.

Так, презенсы и хабиитуалисы восходят, как правило, к модели «имперфективное деепричастие + связка наст. вр.» или «имперфективное деепричастие + ‘находиться внутри’», ср. агульский хабиитуалис *aq'aj-e* ‘делает’ (< ‘делая есть’) и арчинский презенс *arχarši i* ‘ложится’ (< ‘ложась есть’), агульский презенс *aq'aj-a* ‘делает’ (< ‘делая находится’) и лезгинский презенс *ijiz-wa* ‘делает’ (< ‘делая находится’). Одна из основных исходных моделей футуральных форм — это «инфинитив + связка наст. вр.», ср. агульское будущее время *aq'as-e* ‘сделает’ (< ‘делать есть’) и арчинский проспектив *deq'es wi* ‘собирается пойти’ (< ‘пойти есть’)⁷.

Существуют и финитные формы индикатива, не включающие связки, а тождественные нефинитным формам, ср. цахурский презенс *aqa* ‘открывает’ (= имперфективное деепричастие) или футурум *aqas* ‘откроет’ (= инфинитив). Вопрос о том, была ли в таких формах связка изначально (а потом утратилась), либо они представляют собой результат синтаксической реинтерпретации нефинитных клауз, остается открытым. В удинской видо-временной системе представлены именно формы данного типа: они не включают связку и могут совпадать с какой-либо из нефинитных форм. Так, аорист *duwi* ‘ударил’ соответствует перфективному причастию/деепричастию *duwi* ‘ударив(ший)’, а проспективное будущее *duwala* ‘собирается ударить’ тождественно имперфективному причастию *duwala* ‘бьющий’⁸.

Одной из основных удинских индикативных форм является презенс на *-sa (-esa)* — максимально общее по значению настоящее время, описывающее как актуально-длительные, так и хаби-тауальные ситуации в настоящем, активно используемое в нарративах в роли «исторического настоящего» и не имеющее каких-либо необычных («остаточных») употреблений, который могли бы сообщать что-либо о ее семантической эволюции. Ни к одной из распространенных в лезгинских языках исходных моделей презентных форм она не восходит. Между тем, диахронически

⁷ О структуре видо-временных форм настоящего и будущего времени в лезгинских языках см. подробнее [Maisak 2011].

⁸ В финитных клаузах, возглавляемых индикативными формами, обязательны показатели личного согласования, которые в большинстве типов нефинитных клауз отсутствуют.

она явно производна от инфинитива на *-es*, ср. инфинитив *dux-es* ‘ударить’ ~ презенс *dux-esa/dux-sa* ‘ударяет, бьет’ (в современном ниджском диалекте, на котором основано наше изложение, предпочитается второй вариант, более краткая форма на *-sa*).

Возможны различные предположения о том, как именно современный презенс может быть связан с инфинитивом. Согласно гипотезе, высказанной В. Шульце, форма на *-sa* представляет собой морфологизованную аналитическую конструкцию «инфинитив + бытийный глагол *a» [Schulze 1982: 153–154], т. е. своеобразную разновидность структуры «инфинитив + связка», которая может становиться источником будущего времени. Соответственно, сама удинская форма на *-sa* возникла именно как футурум и лишь позже эволюционировала в презенс. Против этой гипотезы говорит, однако, многое: нет никаких оснований усматривать наличие в удинском бытийного глагола *a (в современном языке такой глагол имеет вид *bu*), нет никаких свидетельств о том, что сочетание инфинитива и глагола ‘быть, находиться’ вообще грамматикализуется (в других лезгинских языках это возможно только для формы со связкой, см. выше); наконец, нет и типологических данных о возможном развитии футурумов в презенсы (в отличие от противоположной эволюции — сдвиге «старых презенсов» в футуральную область).

Можно, однако, обратить внимание на то, что форма презенса на *-sa* для подавляющего большинства глаголов совпадает с одной из падежных форм инфинитива, а именно дативом. Ср. использование датива инфинитива в целевой клаузе (7); в роли финитной вершины форма презенса глагола ‘собирать’ выглядела бы точно так же (*girbsa*).

- удинский
 (7) *dadaš o [gir-b-s-a]-ne tac-e*
 Дадаш сено собирать-LV-INF-DAT=3SG уходить-PRF
 ‘Дадаш пошел собирать сено’. [Aydinov, Keçaari 1996: 38]

Версия о происхождении презенса из дативной формы инфинитива с целевым значением не требует произвольных допущений о наличии в удинском глагола *a и модели «инфинитив + бытийный глагол», не представленной в родственных языках. Тем не менее, исходно модель с целевой формой все равно могла иметь только

значение типа проспектива или дебитива, из которого хорошо выводится будущее время, но никак не общий презенс. Поэтому наиболее вероятной представляется третья гипотеза о происхождении презенса (подробнее ее обоснование см. в [Майсак 2008: 169–172]).

Дело в том, что сам по себе удинский датив на *-a* является инновацией и произошел из одного из локативных падежей — ин-эссива (локализация ‘внутри’). Среди локативных функций современного датива — не только движение к ориентиру, но и нахождение в покое: так, форма *k:oj-a* [дом-DAT] может означать и ‘домой’, и ‘дома’. Это означает, что источником презенса вполне мог послужить датив инфинитива не в целевом (направительном), а в эссивном значении. Такая структура — «субъект находится в делании» — изначально имела бы именно прогрессивное/дуративное аспектуальное значение, что соответствует ощущению от современного удинского презенса как от формы, возникшей именно как презенс (а не футурум).

Из типологии видо-временных категорий глагола хорошо известно, что локативные прогрессивы и презенсы широко распространены — локативный компонент при этом может выражаться как определенными вспомогательными глаголами (типа ‘находиться’, ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘жить’ и др.), так и локативными формами отглагольного имени и различными предлогами или послелогами (типа ‘внутри’, ‘возле’ и пр.), см. [Bybee et al. 1994: 129–133; Heine, Kuteva 2002: 178–179, 202–203]. В этом смысле предполагаемая для удинского исходная конструкция ‘в делании’ идеально подходит именно как источник презентной формы.

Дополнительный ареальный аргумент в пользу последней гипотезы состоит в том, что структурно аналогичное «настоящее длительное» время, образованное на основе локативной формы инфинитива, имеется в азербайджанском языке: ср. *jaz-mag-da-jam* [писать-INF-LOC-1SG] ‘я пишу (нахожусь в процессе писания, продолжаю писать)’ [Ширалиев, Севортян (ред.) 1971: 134–135]. Более того, можно полагать, что такая структура презенса была скопирована удинским непосредственно из азербайджанского. Утверждать это — если и не с абсолютной, то со значительной долей вероятности, — позволяют следующие факты. Во-первых, само по себе склонение инфинитива для лезгинских языков нехарактерно, и в удинском скорее всего появилось в результате контактов.

Во-вторых, при наличии в лезгинских языках локативной модели презенсов типа «делая находится» использование в качестве источника именно локативной формы отглагольного имени (а не локативного вспомогательного глагола) не отмечается. Наконец, в-третьих, влияние азербайджанского языка на удинский очевидно и проявляется на самых разных уровнях, вплоть до заимствования отдельных грамматических морфем⁹, а не только калькирования грамматических моделей.

4. Грамматикализация и языковой контакт

Происхождение удинского презенса напрямую выводит нас к проблематике, связанной с грамматикализацией в условиях языкового контакта (именно эта проблематика в последние годы становится объектом наиболее пристального внимания, ср. хотя бы недавние сборники статей [Johanson, Robbeets (eds.) 2012; Stolz et al. (eds.) 2012; Wiemer et al. (eds.) 2012] и др.).

Заметим, что в случае удинского презенса именно контактный, а не независимый, характер грамматикализации наиболее вероятен (по причинам, указанным выше). Вместе с тем, далеко не всегда роль ареального компонента в развитии той или иной грамматической структуры очевидна. Рассмотрим один из таких случаев «неочевидного» копирования.

4.1. Гортативные конструкции с глаголом движения

Грамматикализация глаголов движения для нахско-дагестанских языков в целом не очень характерна. Один из немногих примеров распространенной грамматической конструкции такого типа — это конструкция со значением гортатива: предложение совершить действие совместно ('давай сделаем') выражается как 'пойдем сделать' (или 'пойдем сделаем'), в том числе и в тех случаях, когда никакое перемещение в пространстве не подразумевается¹⁰.

⁹ Ср., например, адъективный суффикс *-lu*, каритивный суффикс *-suz*, суффикс порядковых числительных *-(i)mž̄i* и др. (указанные суффиксы встречаются не только в словах, целиком заимствованных из азербайджанского, но и сочетаются с собственно удинскими основами).

¹⁰ Типологически конструкции с глаголом движения являются одним из важных источников гортативных форм [Гусев 2013: 201–202; Майсак 2005: 376–378].

Подобный способ выражения гортатива используется и в некоторых лезгинских языках: препозитивная форма императива глагола ‘приходить’ сочетается либо с инфинитивом смыслового глагола (как, например, в агульском или рутульском, см. (8)), либо с собственно морфологической формой гортатива (как в удинском, лезгинском или крызском, ср. (9)) — в последнем случае ‘пойдем’, как правило, является факультативным компонентом.

- РУТУЛЬСКИЙ
- (8) ***j-iq'-a*** *si-žig-as!*
 IV-приходить-IMP <NEG>пускать-INF
 ‘Давай не пускать!’ [Махмудова 2001: 97]
- УДИНСКИЙ (НИДЖСКИЙ ДИАЛЕКТ)
- (9) ***ek-i*** *q:ohum bak-en*
 приходить-IMP родня быть-NORT
 {У тебя есть дочь, а у меня есть сын,} ‘давай породнимся’.
 [корпус текстов]

Глагол ‘приходить’ используется в гортативной конструкции не во всех языках лезгинской группы. Вместе с тем, структурно аналогичная конструкция представлена в азербайджанском: ср. *gəl oturaq* ‘давай посидим’ (где *gəl* — императив 2-го л. ед. ч. глагола ‘приходить’, *otur-aq* — императив 1-го л. мн. ч. глагола ‘сидеть’). Это позволяет рассматривать контактный характер использования глагола движения в гортативе как по меньшей мере потенциально возможный — для тех языков, которые находятся под сильным азербайджанским влиянием (например, для удинского и крызского).

Тем не менее, в данном случае утверждать с уверенностью, что имело место именно копирование азербайджанской модели, а не независимое развитие, невозможно. Сама по себе исходная модель ‘пойдем сделаем’ как источник гортатива достаточно распространена в языках мира, и ее независимое возникновение вполне вероятно. Кроме того, эта модель отмечается и в родственных лезгинских языках (хотя и не во всех), так что ее наличие в удинском и крызском может быть и внутригенетической, а не ареальной тенденцией. Таким образом, при текущем состоянии наших знаний о гортативной конструкции в лезгинских языках и у их соседей нельзя исключать ни ее возникновение в результате

ареального взаимодействия, ни независимое от контакта развитие (а, возможно, имело место независимое развитие, поддержанное ареальным фоном и закрепившееся благодаря ему).

4.2. Конструкции с глаголом ‘находить’

Распространение удинского, крызского и будухского языков на севере Азербайджана сделало неизбежным интенсивный контакт с азербайджанским языком, который оказал на лексический и грамматический строй этих языков существенное влияние. Тем не менее, копирование грамматических моделей отмечается и в лезгинских языках других ареалов (и микроареалов), причем в роли языка-источника может выступать один их родственных языков нахско-дагестанской семьи.

Один из случаев такого «внутрисемейного» копирования можно наблюдать в арчинском — как и удинский, этот язык находится на периферии лезгинской группы и в генетическом, и в ареальном отношении, однако территориально расположен в противоположной от удинского стороне¹¹.

В числе арчинских наклонений, выделяемых А. Е. Кибриком в известной грамматике 1977 года, имеется «поссибилитив» со значением ‘говорящий допускает, что V истинно’, который образуется аналитически при помощи вспомогательного глагола *χoqi* [Кибрик 1977: 92–93]. Ср. следующие примеры, в которых использованы аналитические формы «деепричастие совершенного вида + *χoqi*», «деепричастие несовершенного вида + *χoqi*» и «деепричастие потенциалиса + *χoqi*»: во всех случаях временная референция ситуации выражена смысловым глаголом, тогда как вспомогательный вводит эпистемическую оценку.

АРЧИНСКИЙ
(10a) *towtu ručka-tu šete-li* *χo-qi*
он.ERG ручка-PL покупать.PF-CONV IV.находить-POT
‘Он ручки, вероятно, купил’.

¹¹ Село Арчиб находится в Чародинском районе, в окружении аварских сел (и одного лакского); арчинцы в большинстве своем владеют аварским, который к тому же преподается в качестве «родного языка» в школе. Более того, арчинцы младшего и среднего поколения предпочитают называть себя именно аварами, а не арчинцами [Добрушина 2007: 111–117].

(10б) *towmu ručka-tu šur-ši xo-qi*
 он.ERG ручка-PL покупать.IPF-CONV IV.находить-POT
 ‘Он ручки, вероятно, покупает’. (сейчас)

(10в) *towmu ručka-tu šete-qi-ši*
 он.ERG ручка-PL покупать.PF-POT-CONV

xo-qi

IV.находить-POT

‘Он ручки, вероятно, купит’. [Кибрик 1977: 216–217]

Собственно форма *xoqi* представляет собой будущее время («потенциалис») глагола *xos* ‘находить, обнаруживать(ся)’¹². Этот глагол используется в арчинском и в других функциях, в числе которых важное место занимает «адмиратив» (‘некто становится свидетелем части или результата действия V’) [там же: 238–243]. К нему относится целая группа конструкций со значением обнаружения, в которых вспомогательный глагол выступает в различных видо-временных формах (выражая, соответственно, значения ‘обнаружил, что P’, ‘обнаружит, что P’, ‘обнаруживает, что P’ и пр.). Ср. пример с деепричастием совершенного вида и глаголом *xos* в аористе — ‘как оказалось, ушел’, букв. ‘уйдя обнаружился’.

АРЧИНСКИЙ

(11) *mirza uq^a-li xu*
 Мирза уходить.PF-CONV I.находить.PF(AOR)
 ‘{Я домой когда пришел,} Мирза уже ушел (как я обнаружил)’.
 [Кибрик 1977: 242]

В других лезгинских языках подобная грамматикализация ‘находить’ не отмечена: если для выражения модального значения ‘наверное, P’ или значения обнаружения ‘оказалось/обнаружилось, что P’ и используются специальные аналитические формы, они будут включать глагол ‘стать’ — один из наиболее употребительных вспомогательных глаголов в языках данной группы.

¹² Неагентивные глаголы ‘находить’ в дагестанских языках, как правило, не относятся к переходным: субъект действия (тот, кто находит) выражается при них не эргативом, а дативом или одним из локативных падежей. Очень условно данный тип кодирования ситуации ‘он нашел X’ можно перефразировать как «ему/у него нашелся X».

Тем не менее, в Дагестане существует большая ветвь языков, в которых вспомогательный глагол ‘находить’ используется в тех же функциях, что и в арчинском, — это аваро-андо-цезские языки. Ср. примеры из литературного аварского с глаголом *батизе* ‘находить, обнаруживаться’ в форме будущего времени: в (12а) аналитическая форма включает причастие настоящего времени смыслового глагола, в (12б) — отрицательное деепричастие прошедшего времени.

АВАРСКИЙ

- (12а) *гъанир гІалхул гІадамал рачІунел ратила*
‘сюда, наверное, приходят дикари’ (букв. ‘приходящие обнаружатся’)
- (12б) *рогъине мех швечІого батила*
‘еще не наступило, наверное, время рассвета’ (букв. ‘не наступив обнаружится’) [Бокарев 1949: 132]

В прочих видо-временных формах вспомогательный глагол вводит момент обнаружения ситуации: ср. (13) с формой аориста ‘обнаружился, оказался’.

АВАРСКИЙ

- (13а) *битІахе кЪурул рагІалде ралагъун инел ратана (чуял)*
‘лошади оказались направляющимися прямо к обрыву’
(букв. ‘идущие обнаружилились’)
- (13б) *ас босун батана <...> лъабкъого метро хам*
‘он взял, оказывается, <...> шестьдесят метров полотна’
(букв. ‘взяв обнаружился’) [Бокарев 1949: 130, 131]

С наибольшей вероятностью арчинские конструкции с глаголом ‘находить’ появились именно под аварским влиянием: на это указывает как их распространенность в аварском (и близкородственных языках) и, напротив, отсутствие в языках лезгинской группы, так и факт хорошего владения арчинцами аварским как языком общения с ближайшими соседями.

4.3. Рефактивный префикс

Если арчинский и аварский языки, хотя и родственны на нахско-дагестанском уровне, все же лингвистически очень далеки

друг от друга, то следующий случай показывает возможность копирования из близкородственного языка.

Лезгинские языки в целом известны своими системами глагольных пространственных префиксов (по характеру противопоставлений во многом аналогичных системам локативных форм имени). В лезгинском языке имеется также особый префикс *q-/χ-* (второй вариант выступает и как инфикс), выражающий значение рефактива — ‘опять, еще раз’. В отличие от лексически ограниченных пространственных префиксов, рефактивный показатель неограниченно продуктивен, в связи с чем М. Хаспельмат замечает, что рефактив (в его терминологии — «репетитив») может рассматриваться как словоизменяемая категория лезгинского глагола [Haspelmath 1993: 174]; ср. некоторые типичные примеры¹³:

ЛЕЗГИНСКИЙ

- | | |
|--|----------------------------|
| (14) <i>q-iwun</i> ‘сделать снова’, ‘починить’ | ← <i>awun</i> ‘сделать’ |
| <i>q-lahun</i> ‘сказать снова’ | ← <i>luhun</i> ‘сказать’ |
| <i>q-fin</i> ‘уйти’, ‘идти обратно’ | ← <i>fin</i> ‘идти’ |
| <i>q-xun</i> ‘стать снова’, ‘излечиться’ | ← <i>xun</i> ‘быть, стать’ |
| <i>χ-gun</i> ‘дать снова’ | ← <i>gun</i> ‘дать’ |
| <i>χi-taxun</i> ‘нести обратно’ | ← <i>tuχun</i> ‘нести’ |
| <i>aχ-kun</i> ‘увидеть снова’ | ← <i>akun</i> ‘увидеть’ |
| <i>ruχ-gun</i> ‘закипеть снова’ | ← <i>rugun</i> ‘закипеть’ |
- [Haspelmath 1993: 174–175]¹⁴

Близкий по форме и значению рефактивный префикс отмечается в южных говорах агульского языка, ср. ниже примеры из говора с. Хпюк, где префикс имеет вид *q-/qV-* и также неограниченно продуктивен. Как в лезгинском, глаголы движения с рефактивным префиксом регулярно выражают значение перемещения в обратном направлении; отметим также сходство в интерпретации рефактивных производных от ‘стать’ и ‘делать’.

¹³ В данном изложении мы отвлекаемся от фонетических чередований, сопровождающих присоединение префикса у некоторых глаголов, а также от продуктивной «перифрастической» рефактивной конструкции с вспомогательным глаголом *qiwun* ‘сделать снова’.

¹⁴ Значения некоторых глаголов уточнены по словарю [Талибов, Гаджиев (сост.) 1966].

	АГУЛЬСКИЙ	
(15)	<i>q-awas</i> ‘сказать снова’	← <i>awas</i> ‘сказать’
	<i>q-aq’as</i> ‘сделать снова’, ‘починить’	← <i>aq’as</i> ‘сделать’
	<i>q-ag^was</i> ‘увидеть снова’	← <i>ag^was</i> ‘увидеть’
	<i>qa-facas</i> ‘схватить снова’	← <i>facas</i> ‘схватить’
	<i>qa-uxas</i> ‘выпить снова’	← <i>uxas</i> ‘выпить’
	<i>qa-jc’as</i> ‘дать снова’, ‘отдать назад’	← <i>ic’as</i> ‘дать’
	<i>qu-hatas</i> ‘послать обратно’	← <i>hatas</i> ‘послать’
	<i>qi-šaw!</i> ‘возвращайся!’	← <i>šaw!</i> ‘приходи!’

[Майсак, Мерданова 2002: 260]

По форме агульский рефактивный показатель *q-* близок к одному из локативных префиксов — а именно, выражающему значение ‘за, сзади’ (локализация POST). Синхронно, однако, мы явно имеем дело с двумя разными морфемами. Во-первых, локативный префикс *q-* сильно ограничен лексически и сочетается лишь с небольшим числом глагольных корней. Во-вторых, производные с префиксом POST и с рефактивом никогда не совпадают: ср., например, локативный глагол *q-ixas* ‘прислонять’ (← корень *-ix-* ‘класть’) и рефактивный глагол *qa-ixas* ‘снова класть внутрь’ (← **ʔ-ixas* ‘класть внутрь’). Последнее обстоятельство связано с третьим важным различием — если префикс POST присоединяется непосредственно к глагольному корню, в сфере действия рефактива — вся глагольная основа, в том числе — основа, уже включающая локативные префиксы. Это делает возможным образование рефактива и от локативных глаголов с префиксом POST, ср. *qa-qarxas* ‘снова упасть назад’ (← *q-arxas* ‘упасть назад’).

Диахронически рефактив, судя по всему, восходит именно к локативному префиксу; на это указывает М. Е. Алексеев в сравнительно-историческом исследовании лезгинской морфологии [Алексеев 1985: 121], типологически развитие из значения ‘сзади’ или ‘назад, обратно’ в значение повторности также засвидетельствовано [Heine, Kuteva 2002: 259–260] (ср. [Майсак 2005: 374–375; Стойнова 2012: 190–195]). Тем не менее, несмотря на то, что в агульском близкие по форме показатели POST и рефактива существуют, собственно грамматикализация локативного префикса в рефактивный, по нашему мнению, имела место только в лезгинском языке — в агульский же рефактивный *q-* был уже заимствован с этим значением.

Такой сценарий представляется наиболее вероятным в связи с тем, что рефактивный показатель зафиксирован только в тех агульских говорах, которые расположены на границе с лезгиноязычным ареалом (главным образом в Курахском районе), — а именно, в говоре с. Хпюк и говорах керенского диалекта. Носители всех этих идиомов длительное время живут по соседству с лезгинами и владеют лезгинским языком. В основной же массе агульских говоров (на территории Агульского района) префикс с рефактивным значением отсутствует, причем нет оснований утверждать, что он когда-то существовал (в этом случае он мог бы сохраниться хотя бы в каких-то лексикализованных производных). Нет его и в табасаранском — третьем языке восточнолезгинской группы, ареал которого граничит как с агульским, так и с лезгинским.

Таким образом, появление в южных агульских говорах рефактивного префикса может считаться достаточно чистым случаем «внутригруппового» копирования из одного из наиболее близкородственных языков — копирования, имевшего место вследствие локальных контактов и приведшего к возникновению в агульском двух «этимологических дублетов» — исконного префикса локализации POST и заимствованного префикса рефактива, восходящего к тому же пралезгинскому источнику.

5. Редкие пути грамматикализации

Начав с примеров типологически частотных путей грамматикализации, характерных и для языков лезгинской группы, в завершение рассмотрим два случая возникновения показателей, редких на «общемировом» фоне и составляющих специфику именно лезгинских языков.

5.1. Показатель порядковых числительных

Первый пример касается возникновения показателя порядковых числительных из причастия глагола 'говорить'. Данный путь развития является «общегрупповым» и отмечен в подавляющем большинстве лезгинских языков (а исторически, вероятно, был свойствен им всем). Та же модель встречается и в некоторых других нахско-дагестанских языках — например, аварском, лакском, даргинских, цезских, — хотя и не во всех языках данной семьи.

В лезгинских языках представлено три разновидности исходной модели порядковых числительных: все они базируются на соответствующем количественном числительном, однако различаются тем, какое именно причастие глагола речи используется. Ниже образование порядковых числительных показано на примере числительного ‘третий’.

А. Модель с перфективным причастием (букв. ‘три сказанный’) представлена в восточнолезгинских языках¹⁵:

агульский:	<i>xibud-pu</i>
табасаранский:	<i>šubub-pi</i>
лезгинский:	<i>pud lahaj</i>

Б. Модель с причастием будущего времени/долженствования (букв. ‘три который скажут/должны сказать’) представлена в арчинском и западнолезгинских языках — во всех случаях причастие образовано при помощи атрибутивного показателя от формы инфинитива:

арчинский:	<i>łeb-bosdub</i>
рутульский:	<i>xibid-xusdi</i>
цахурский:	<i>xebir-esda</i>

В. Модель с имперфективным причастием (букв. ‘три говоримый’) представлена в крызском языке и раньше существовала в удинском.

крызский:	<i>šibur liji</i>
удинский (уст.):	<i>χib ukal</i>

В современном удинском в качестве показателя порядковых числительных используется заимствованный азербайджанский суффикс *-(i)mžī* (при исконной количественной основе, ср. *χib-imžī*). Что касается будухского, то там используется либо тот же суффикс, либо целиком заимствованные азербайджанские формы (ср. *üčünžī* ‘третий’ при исконном количественном числительном *šubur* ‘три’) [Галибов 2007: 154–155].

¹⁵ Написание показателя через дефис либо через пробел приводится по существующим описаниям; оно по крайней мере отчасти отражает степень морфологизации исходной конструкции с причастием.

Причастия в дагестанских языках не ориентированы на определенную синтаксическую (или семантическую) роль участника, поэтому данные выше буквальные переводы достаточно условны. По всей видимости, исходная структура порядковых числительных восходит к конструкции называния: ‘третий’ выражается как ‘такой, который называют (которому говорят) «три»’.

Типологически такой тип развития показателей порядковых числительных из глаголов речи не уникален, однако не относится к распространенным; он отмечается, в частности, для дравидийских языков (однако и там не является единственным возможным источником) [Krishnamurti 2003: 266].

5.2. «Проверятельная» конструкция, или верификатив

Последнее явление, которое мы рассмотрим, обнаружено лишь в двух лезгинских языках, причем аналогичной грамматикализации ни в других языках нахско-дагестанской семьи, ни за ее пределами вроде бы не отмечено.

Впервые на одну из «семейства» верификативных форм указал в арчинской грамматике 1977 года А. Е. Кибрик — в его терминах, «узнавательно-целевое союзное деепричастие» на *-klus* имеет значение ‘некто совершает главное действие с целью узнать, истинно ли второстепенное действие V’ [Кибрик 1977: 291]. Формы на *-klus* морфологически слитны, при этом «смысловая» часть (ситуация, наличие которой проверяется) представляет собой одну из финитных глагольных форм с показателем интеррогатива — ср. настоящее время в (16а) и заглазный аорист в (16б)¹⁶. Собственно же «узнавательный» компонент выражается показателем *-klus* — редуцированной формой инфинитива глагола *aklus* ‘видеть’.

АРЧИНСКИЙ

(16а) <...> [*halmaχdu w-i-r]-klus*

друг I-быть-Q-VERIF.INF

‘<...> чтобы узнать, есть ли (дома) друг’.

(16б) <...> [*dija uq^ʔa-l-la]-klus*

отец I.уходить.PF-EVID-Q-VERIF.INF

‘<...> чтобы узнать, пошел ли отец’. [Кибрик 1977: 291]

¹⁶ Здесь и далее в квадратные скобки заключен фрагмент, входящий в сферу действия верификатива.

Как выяснилось впоследствии, возможное видо-временное маркирование «вершинного» компонента *-klus* не ограничено инфинитивом (хотя чаще всего встречается именно он): в (17а) показатель верификатива имеет форму аориста, в (17б) — императива. Тем самым, собственное видо-временное маркирование есть как у «смысловой» части, так и у верификативного компонента.

АРЧИНСКИЙ

(17а) [χ^w*alli bo-lo-r]-kɬi*

хлеб III-дать-IPF.Q-VERIF.PF(AOR)

‘(Я) посмотрела, дадут ли мне хлеб’.

(17б) [*k^wa-r]-k^wa*

I. умереть-IPF.Q-VERIF.IMP

‘Проверь, умрет ли он’.

[Даниэль, Майсак 2014: 389]

Независимо от арчинских данных, функционально и формально аналогичная категория верификатива была обнаружена в агульском языке [Майсак, Мерданова 2004]. Основное отличие агульского состоит в том, что «смысловая» часть верификатива кодируется не интеррогативной формой, а кондиционалом — условным наклонением, которое в агульском оформляет в том числе и зависимый косвенный вопрос. Кроме того, показатель кондиционала и бывший матричный глагол ‘видеть’ подверглись фузии, в результате чего проведение морфемной границы между ними уже невозможно, да и сама внутренняя структура показателя не всегда очевидна¹⁷.

Ниже в примере (18а) из хпюкского говора приводится верификативная форма в императиве; верификативный показатель имеет вид *-čuk’*- (по всей видимости, из **-čī ag^w-*, сочетания кондиционала на *-čī* и корня глагола *ag^was* ‘видеть’). Следующий пример (18б) показывает обычную конструкцию с косвенным вопросом и постпозитивным матричным предикатом ‘смотреть’; по-видимому, именно подобная структура (но с глаголом ‘видеть’) и послужила в свое время источником верификатива, полностью морфологизованного в современном языке.

¹⁷ Агульские диалекты проявляют достаточно большую вариативность показателей верификатива — в частности, не для всех диалектов источником послужил именно глагол *ag^was* ‘видеть’; подробнее см. обсуждение в [Даниэль, Майсак 2014].

- АГУЛЬСКИЙ
 (18a) [gi *ʁut'-u-naj*]-čuk'
 DEMG(ERG) есть-PF-PRF-VERIF(IMP)
 'Выясни, поел ли он'.
 (18б) [gi *ʁut'-u-naj-č'i* *χuturf*
 DEMG(ERG) есть-PF-PRF-COND смотреть(IMP)
 'Посмотри, поел ли он'. [Майсак, Мерданова 2004: 450]

С точки зрения типологии грамматикализации арчинский и агульский верификатив (несмотря на их различия, соответствующие формы в двух языках можно отнести к одной межъязыковой категории) интересен в целом ряде отношений. Во-первых, имеет место не только семантический сдвиг от неагентивной ситуации 'увидеть' к агентивной 'выяснить, проверить', но и полная морфологизация глагола — бывшая конструкция с матричным предикатом и вершиной косвенного вопроса превратилась в морфологически слитную форму. Во-вторых, кодирование субъекта при верификативной вершине (т. е. участника, который осуществляет проверку) отличается от кодирования субъекта при исходном глаголе 'видеть' — субъект-экспериенцер при 'видеть' в обоих языках стандартно оформляется дативом, тогда как роль «проверяющего» кодируется эргативом, падежом агенса:

- АГУЛЬСКИЙ
 (19) *gada.ji* [*ruš qaj-naj*]-čuk'-u-ne
 парень(ERG) девушка RE:приходить:PF-PRF-VERIF-PF-AOR
 'Парень выяснил, вернулась ли девушка'.
 [Даниэль, Майсак 2014: 379]

Сама по себе грамматикализация (и последующая морфологизация) глагола 'видеть' с зависимым косвенным вопросом достаточно необычна — вряд ли можно ожидать такого от далеко не самой частотной структуры. Более того, удивительно, что она отмечена только в двух языках и отсутствует, насколько нам известно, как в других лезгинских, так и в ареально смежных идиомах (подробнее см. обсуждение в [Ibid.]). Арчинский и агульский являются лишь дальними родственниками в рамках лезгинской группы и на протяжении тысячелетий вели независимое существование; о контактах между ними, судя по имеющимся данным, говорить

не приходится. Не исключено, что в родственных им языках сходное семантическое развитие имеет место на уровне лексики, находясь на этапе «предграмматикализации», однако это требует дальнейшего внимательного изучения. Что же касается более широкого типологического фона, то пока засвидетельствованное в двух лезгинских языках развитие верификативного показателя из глагола ‘видеть’ приходится признать уникальным.

6. Заключение

Как и в других языках мира, в современных лезгинских языках мы можем наблюдать множество процессов грамматикализации на разных этапах их развития. Некоторые из этих процессов начались так давно, что мы можем видеть только их результаты, а судить об источниках грамматикализации и самом ходе эволюции показателей трудно или даже невозможно. В других случаях мы, напротив, имеем дело лишь с зарождающейся грамматикализацией, или даже «предграмматикализацией», которая пока не так заметна в собственно грамматической структуре, оставаясь в большей степени принадлежностью лексической системы или дискурсивных стратегий. Наконец, в значительном числе случаев мы наблюдаем показатели (конструкции или аффиксы), уже вступившие в область грамматики, но еще не утратившие связи — пусть даже очень слабой — со своим лексическим источником. Эти случаи наиболее интересны с точки зрения понимания того, откуда «берутся» грамматические структуры в данных языках и как они развиваются; какова мотивация, послужившая когда-то толчком к выбору именно конструкции данного типа для выражения соответствующего значения.

Установление исходной структуры не вызывает сложности в случае, когда мы имеем дело с аналитической конструкцией (ср. «синтаксические» каузативы) или лексической единицей, в основном сохраняющей в новой функции прежние морфосинтаксические свойства (ср. числительное ‘один’ или демонстративы в роли показателей определенности). В некоторых случаях, однако, для раскрытия источника требуется более углубленный анализ внутриязыковых свойств показателя, причем сначала исходная структура может быть ясна не полностью. Так, в агульском временном конвербе на *-guna* тот факт, что суффикс является быв-

шим существительным, можно установить прежде, чем удастся сопоставить его с конкретной лексемой; аналогично, в агульском верификативе очевидна «глубинная» структура «кондиционал + матричный глагол», хотя непосредственно о глаголе, подвергшемся морфологизации, можно судить лишь предположительно. Дополнить конкретно-языковую картину помогают, с одной стороны, данные близкородственных языков (в которых соответствующая структура может быть более прозрачной), и, с другой стороны, — накопленные в типологии грамматикализации обобщения о регулярно воспроизводимых путях возникновения грамматических показателей.

Отдельным интересным вопросом является независимость пути грамматикализации того или иного показателя. Внутриязыковые инновации далеко не всегда просто отличить от «общегрупповой» (или общесемейной) тенденции — не обязательно восходящей к праязыку, однако в целом характерной для родственных языков. Для лезгинских языков такой тенденцией является, например, использование глагола ‘делать’ в каузативе или превращение причастия глагола речи в показатель порядкового числительного. Про такие явление можно утверждать, что они являются проявлениями внутригенетического «тренда», а не появились в каждом языке независимо от прочих. Напротив, контактное влияние наиболее вероятно в случаях, когда явление, характерное для соседнего языка (в том числе родственного), в других близких языках не встречается, или отмечено не во всех диалектах интересующего нас языка. В такой ситуации уместно говорить о копировании грамматической модели (ср. удинский презент или агульский рефактив — в последнем случае копированию, возможно, подверглась и сама форма аффикса). С другой стороны, выбор между внутригенетическим и контактным сценарием не всегда очевиден — ср. гортативные конструкции в ряде лезгинских языков, которые в части из них вполне могли возникнуть под азербайджанским влиянием. Наконец, есть и такие случаи, когда ни независимое развитие, ни внутригенетическая тенденция, ни контактное копирование не кажутся полностью убедительным объяснением для наличия межъязыковой параллели. Таков «агульско-арчинский» верификатив — одна из загадок для теории грамматических изменений и одно из украшений «лексикона грамматикализации» лезгинских языков.

Список условных сокращений

I-IV — I-IV именные классы; AOR — аорист; APUD — локализация ‘возле’; COND — кондиционалис; CONV — дееспричастие; DAT — датив; DEMM — демонстратив m-серии; DEMG — демонстратив g-серии; DEMT — демонстратив t-серии; ELAT — элатив; ERG — эргатив; EVID — косвенная засвидетельствованность; GEN — генитив; HORT — гортатив; IMP — императив; IN — локализация ‘внутри’; INF — инфинитив; IPF — основа несовершенного вида; LOC — локативная форма; LV — легкий глагол; NEG — отрицание; PF — основа совершенного вида; PL — множественное число; POST — локализация ‘сзади’; PRF — перфект/результатив; PRS — настоящее время; POT — потенциалис; Q — вопросительность; RE — рефактив; REP — пересказывательность; SG — единственное число; TEMP — темпоральный конверб; TMR — темпоральная форма имени; VERIF — верификатив.

Знак “=” используется для указания на границу с клитикой. В строке транскрипции точкой отделяются (и далее не глоссируются) показатели косвенной основы имен. В строке поморфемного разбора точка обозначает кумулятивное выражение, круглые скобки — немаркированные граммы. Наиболее частотные немаркированные граммы имени (номинатив, единственное число, эссив) по умолчанию не обозначаются. Транскрипция и глоссы примеров из разных языков по возможности унифицированы.

Литература

- Алексеев 1985 — М. Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985.
- Бокарев 1949 — А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Ганенков и др. 2009 — Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Дискурсивная анафора в агульском языке // НеФестшрифт: Статьи в подарок (к юбилею А. Е. Кибрика). Март 2009 г. (<http://www.kibrik.ru>)
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Даниэль, Майсак 2014 — М. А. Даниэль, Т. А. Майсак. Грамматикализация верификатива: об одной агульско-арчинской параллели // В. А. Плунгян (гл. ред.). Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014.

- Добрушина 2007 — Н. Р. Добрушина. Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка // Социологический журнал 1, 2007. С. 103–127.
- Кибрик 1977 — А. Е. Кибрик Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик, Тестелец (ред.) 1999 — А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Майсак 2008 — Т. А. Майсак. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia, 2008. С. 162–222.
- Майсак, Мерданова 2002 — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Система пространственных превербов в агульском языке // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 251–294.
- Майсак, Мерданова 2004 — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. «Проверяемая форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 430–455.
- Махмудова 2001 — С. М. Махмудова. Морфология рутульского языка. М., 2001.
- Стойнова 2012 — Н. М. Стойнова. Типология глагольных показателей рефактива: модели полисемии и структура семантической зоны. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2012.
- Талибов 2007 — Б. Б. Талибов. Будухский язык. М.: Academia, 2007.
- Талибов, Гаджиев (сост.) 1966 — Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев (сост.). Лезгинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Ханмагомедов 1970 — Б. Г.-К. Ханмагомедов. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1970.
- Ширалиев, Севортян (ред.) 1971 — М. Ш. Ширалиев, Э. В. Севортян (ред.). Грамматика азербайджанского языка. Баку: Элм, 1971.
- Authier 2009 — G. Authier. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris: Peeters, 2009.
- Aydınoy, Keçaarı 1996 — Y. A. Aydınoy, J. A. Keçaarı. *Udin muz (udi dili)*, 3. Bakı: Maarif, 1996.

- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Daniel et al. 2012 — M. Daniel, T. Maisak, S. Merdanova. Causatives in Agul // P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (eds). *Argument Structure and Grammatical Relations: A Crosslinguistic Typology*. Amsterdam: John Benjamins. P. 76–136
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath *A Grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Heine et al. 1993 — B. Heine, T. Güldemann, Ch. Kilian-Hatz, D. A. Lessau, H. Roberg, M. Schladt, Th. Stolz. *Conceptual Shift. A Lexicon of Grammaticalization Processes in African Languages*. [Afrikanistische Arbeitspapiere 34–35]. Cologne: Institut für Afrikanistik, 1993.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Johanson, Robbeets (eds.) 2012 — L. Johanson, M. Robbeets (eds.). *Copies versus Cognates in Bound Morphology*. Leiden: Brill, 2012.
- Krishnamurti 2003 — Bh. Krishnamurti. *The Dravidian Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Maisak 2011 — T. Maisak. *The Present and the Future within the Lezgian tense and aspect systems* // G. Authier, T. Maisak (eds). *Tense, Aspect, Modality and Finiteness in East Caucasian Languages*. Bochum: Brockmeyer, 2011. P. 25–66.
- Schulze 1982 — W. Schulze. *Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.
- Stolz et al. (eds.) 2012 — T. Stolz, M. Vanhove, H. Otsuka, A. Urdze (eds.). *Morphologies in Contact*. Berlin: Akademie Verlag, 2012.
- Wiemer et al. (eds.) 2012 — B. Wiemer, B. Hansen, B. Wälchli (eds.). *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.